

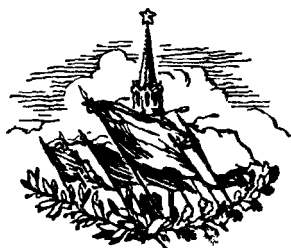
К. Т. СВЕРДЛОВА

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ
СВЕРДЛОВ

К. М. Свердло

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ
СВЕРДЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1957

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Мы публикуем воспоминания К. Т. Свердловой о выдающемся деятеле Коммунистической партии и Советского государства, одном из ближайших соратников и помощников Владимира Ильича Ленина — Якове Михайловиче Свердлове.

Клавдия Тимофеевна Свердлова (Новгородцева), жена Я. М. Свердлова, — член КПСС с 1904 года, активный участник революций 1905 и 1917 годов. В 1905 — 1906 годах была членом Екатеринбургского и Пермского комитетов РСДРП, делегат IV съезда партии от уральской большевистской организации. В годы подполья вела активную партийную работу, неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению, отбывала крепость и ссылки. С июля 1917 года заведовала издательством Центрального Комитета партии «Прибой» в Петрограде. 30 марта 1918 года К. Т. Новгородцева (Свердлова) была утверждена Центральным Комитетом партии помощником секретаря ЦК РКП(б) и работала в секретариате ЦК. После 1920 года работала на руководящей издательской работе и в системе народного просвещения.

В работе над книгой, помимо личных воспоминаний К. Т. Свердловой (Новгородцевой), широко использованы партийные документы, архивные материалы и многочисленные воспоминания старых большевиков — соратников и товарищей Я. М. Свердлова.

Литературная запись воспоминаний К. Т. Свердловой и подготовка книги к печати осуществлена сыном Я. М. Свердлова — А. Я. Свердловым.

Глава первая **ТОВАРИЩ АНДРЕЙ**

Первая встреча

Впервые я встретила Якова Михайловича Свердлова осенью 1905 года. Мы познакомились на Урале, в Екатеринбурге (ныне Свердловск), в октябрьские дни, когда мощные громовые раскаты революционной грозы сотрясали основы царского самодержавия.

По всей стране катилась волна политических стачек и демонстраций. Рабочие Петербурга и Москвы, Варшавы, Риги и Лодзи, Баку, Иваново-Вознесенска и Одессы вышли на улицы, вступив в открытую борьбу с самодержавием. Иванововознесенцы создали Совет уполномоченных, явившийся одним из первых Советов рабочих депутатов в России. В Лодзи строились баррикады и рабочие вели уличные бои с царскими войсками. Гордо взвилось красное знамя революции на броне-

носе «Потемкин». Ширилось революционное движение в деревне. Нарастало брожение в армии. Надвигалась революция.

Поднимался на борьбу и пролетариат Урала.

В эти памятные дни, в середине октября 1905 года, я была до суда выпущена из екатеринбургской тюрьмы, где просидела с весны 1905 года. Арестована я была в связи с провалом нелегальной партийной типографии, в работе которой, будучи членом Екатеринбургского комитета большевиков, принимала активное участие.

Далеко не все из нас, рядовых работников партии, полностью отдавали себе отчет в происходящих событиях, до конца осознавали все их значение, понимали, какие задачи встают теперь перед нами и как следует их в новых условиях по-новому решать. По выходе из тюрьмы мне казалось, что дальнейшая работа в Екатеринбурге для меня невозможна. Ведь екатеринбургская полиция и шпики знали меня как активного участника местной социал-демократической организации, хотя моя принадлежность к Екатеринбургскому комитету РСДРП и не была им известна. «Ну как, — думалось мне, — смогу я уйти от их наблюдения, как избавлюсь от слежки? А если они будут ходить за мной по пятам, то ведь мне нельзя будет встретиться ни с одним товарищем по партийной работе, не рискуя навести шпики на его след». Значит, казалось мне, возможность продолжать в Екатеринбурге партийную работу исключена. А ведь она-то и составляет основную цель и самый смысл моего существования. Значит, надо куда-то уезжать и возобновить ее в другом месте.

Мне надолго врезалась в память сцена, разыгравшаяся в день моего ареста.

Меня только что доставили в тюрьму, и я сидела в приемной, накинув на голову большой платок и ожидая отправки в камеру. Дежурный надзиратель заполнял тюремную анкету. Когда очередь дошла до примет, он предложил мне снять платок.

— Пусть себе сидит! — вмешался доставивший меня в тюрьму сотрудник охраны. — Я и так дам тебе все ее приметы, мы наизусть их знаем!

Да, в Екатеринбурге оставаться было нельзя.

Своими соображениями я поделилась с несколькими товарищами из Екатеринбургского комитета, с кем, соблюдая всяческие предосторожности, удалось встретиться.

Они разделяли мои опасения и тоже считали мою дальнейшую работу здесь невозможной. Как ни жалко было расставаться с друзьями и товарищами по работе, с родным городом, где я выросла и где началась моя революционная жизнь, но вопрос об отъезде был решен.

И тут мне вдруг передали, что я должна встретиться с товарищем Андреем.

Товарищ Андрей! Кто из нас, уральцев, уже тогда не слышал этого имени, хотя и месяца не прошло с тех пор, как Яков Михайлович Свердлов, которого Центральный Комитет партии направил на Урал, появился под этой партийной кличкой в Екатеринбурге.

Еще сидя в тюрьме, я из отрывочных сообщений знала, что товарищ Андрей за какие-нибудь считанные дни перевернул всю работу екатеринбургской партийной организации. Мы, заключенные, питались лишь скудными сведениями о последних событиях на воле, вести в тюрьму проникали с трудом. Но кое-что мы все же знали. То одному товарищу ловко передавали маленькую записочку, то другому говорили пару слов при свидании. Начиная с сентября 1905 года во всех сообщениях говорилось об одном — о переломе в работе, вызванном приездом в Екатеринбург нового агента ЦК, товарища Андрея. О нем отзывались как о крупном организаторе, замечательном ораторе, горячем агитаторе и пропагандисте.

Агенты ЦК и ранее бывали на Урале. Центральный Комитет постоянно направлял лучших работников партии в качестве своих агентов в различные районы страны для организации партийной работы и помощи местным товарищам, однако ни о ком еще сдержанные уральцы не отзывались так горячо, как о товарище Андрее.

«Товарищ Андрей со всеми уже перезнакомился...», «Андрей везде побывал...», «теперь есть с кем посоветоваться...» — имя Андрея упоминалось во всех запис-

ках, звучало во всех сообщениях, проникавших за тюремные решетки.

Об Андрее твердили и все комитетчики, с которыми я встретилась после выхода на волю. И вот теперь, накануне отъезда, мне предстояло встретиться с самим Андреем. Зачем? Это было непонятно. Ведь все равно из Екатеринбурга я уезжаю, так для чего идти на напрасный риск, зачем ставить под угрозу провала такого ценного работника, как Андрей? Мне это казалось неразумным. Но товарищи из комитета разъяснили, что Андрей обязательно беседует с каждым большевиком, уезжающим из Екатеринбурга. Встретиться надо, говорили они, только необходимо соблюдать крайнюю осторожность, во что бы то ни стало избежать слежки и не навести шпики на след Андрея.

Несколько дней спустя, в назначенное время, один из членов нашей организации ожидал меня на условленном заранее месте, и мы направились на главную улицу города, где, изображая гуляющую парочку, смешались с шумной толпой. Невдалеке от плотины через реку Исеть мой спутник указал мне на прогуливавшегося с независимым видом молодого, очень молодого человека, совсем юношу.

Внешний вид этого человека ничем на первый взгляд не привлекал внимания. Юноша был среднего роста, стройный, подтянутый. Густые, волнистые черные волосы упрямо выбивались из-под слегка сдвинутой на затылок кепки. Сквозь стекла пенсне пристально и ласково смотрели живые темные глаза. Сухощавую фигуру ловко облегла простая черная косоворотка, на плечи был накинут пиджак, и от всей складной, подвижной фигуры так и веяло юношеским задором. Все на нем было поношено, но выглядело чисто и опрятно.

Увидав нас, Андрей свернул в тихий переулок. Сопровождавший меня товарищ скрылся в толпе, и я, убедившись, что за мной нет «хвоста» (то-есть шпики), присоединилась к Андрею.

Разговор сразу начался живо и непринужденно, будто мы не впервые встретились, будто давно и хорошо знали друг друга. Поистине обаятелен был голос Андрея — мощный, глубокий и мягкий бас, поначалу

не вязавшийся с его некрупной фигурой. Но уже через несколько минут впечатление несоответствия сглаживалось, физический облик Андрея как бы сливался с его духовным обликом, и казалось, что иначе этот человек говорить и не мог.

Много лет прошло с тех пор, забылись детали этого свидания, стерлись в памяти отдельные мелочи, отдельные штрихи, но разве забудешь то огромное, неизгладимое впечатление, которое с первой же встречи произвел на меня, как производил и на всякого, Яков Михайлович Свердлов!

— Что же, — начал Андрей, — собираетесь удирать с Урала?

«Удирать»? Удирать я не собиралась. Спокойно и обстоятельно я изложила ему все свои доводы, неопровержимо, как мне казалось, доказывавшие необходимость отъезда из Екатеринбурга.

Андрей умел внимательно слушать, с неподражаемым искусством ухватить самую суть вопроса, во-время подсказать нужное выражение, слово, и каждый, кто с ним беседовал, не только чувствовал себя легко и свободно, но как-то невольно поддавался обаянию его голоса, скупых жестов, неумолимой логике.

— Начнем с того, — заговорил, выслушав меня, Андрей, — что партии сейчас особо нужны люди, знающие местные условия. Вы вели кружок на заводе Ятеса, знаете Верх-Исетский завод, знаете людей, специфику местной работы. И вас знают рабочие, знают в организации. Где же вы принесете больше пользы: здесь или на новом месте? Ответ ясен. Интересы партии требуют, чтобы вы сейчас работали в Екатеринбурге.

— Опасность провала? Угроза слежки? Невозможность посещать конспиративные квартиры, рабочие собрания, встречаться с людьми? Справедливо. Но справедливо для вчерашнего дня. Ваши рассуждения совершенно правильны, если исходить из прежних условий, но сегодня обстановка иная. Завтра она изменится еще больше. Поднимается мощная революционная волна. Движение растет и ширится по всей стране, растет на Урале, в Екатеринбурге. Буквально ежедневно в него вливаются все новые и новые массы, прежде всего пе-

редовых рабочих. Если даже количество шпионов увеличится, — а это так быстро и просто не сделаешь, — то и тогда шпикам за всеми не уследить. Они будут сбиты с толку, вынуждены будут кидаться от человека к человеку, со следа на след. Значит, наша задача облегчается. Кроме того, — улыбнулся Андрей, — шпики для того и существуют, чтобы их водили за нос. Чем более вы уверены в возможности слежки, тем умнее и осторожнее будете действовать, тем ловче проведете шпионов. А кому, как не вам, родившейся и выросшей здесь, в Екатеринбурге, знающей каждый двор и каждый закоулок, оставлять их в дураках?!

— Решение комитета об отъезде? Мы уже говорили с товарищами. Кое-кто поторопился, соглашаясь с тем, что вам необходимо уехать. Сейчас комитет решил, что уезжать вам не следует и надо оставаться в Екатеринбурге.

От всего стройного здания моих рассуждений и решений не осталось и камня на камне. Андрей разбил все мои резоны, представляя факты в новом, неожиданном для меня свете, делая в этом простом на первый взгляд и обыденном разговоре такие глубокие и ясные обобщения и выводы, что мне самой мои собственные позиции уже казались нелепыми и беспомощными.

Не прошло и получаса, как я поняла, что решение мое об отъезде было неправильно, что надо оставаться в Екатеринбурге. Оставаться не просто потому, что принято новое решение, но потому, что это решение глубоко правильно, а все мои рассуждения были ошибочны.

Смело и решительно ломал Андрей годами сложившиеся, ставшие привычными требования конспирации, если они устарели и в новых условиях мешали работе. После беседы с ним стало ясно, что подъем революционного движения ставит новые задачи, которые нужно по-новому решать.

В этом коротком разговоре Яков Михайлович, которому едва исполнилось тогда двадцать лет, увязал нашу работу с общероссийской борьбой пролетариата и крестьянства и сумел открыть передо мной новые горизонты.

Я осталась в Екатеринбурге.

Так началась наша совместная работа, а затем и жизнь с товарищем Андреем — Яковом Михайловичем Свердловым.

Урал

Революционная работа на Урале была в те годы, в начале XX века, сопряжена с рядом особых, характерных именно для Урала трудностей, отличалась значительным своеобразием, связанным с особенностями развития уральского пролетариата, его историей и условиями существования.

Урал был первым в России центром отечественной металлургии. Еще во времена Петра, в начале XVIII века, возникли на Урале крупные металлургические заводы и горнорудные предприятия. С развитием капитализма в России центр металлургической промышленности перемещался на юг, где создавались оснащенные более совершенной техникой передовые предприятия. На южных заводах царили чисто капиталистические порядки. Рабочий был связан с хозяином только тем, что запродал ему свою рабочую силу. Иначе обстояло дело на Урале.

В своей книге «Развитие капитализма в России» Ленин отмечал, что: «В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта».

После отмены в России крепостного права рабочие Урала перестали быть собственностью хозяина, были освобождены от обязательных работ на заводах, но весь Урал—огромнейший район страны, на площади которого свободно могло бы разместиться несколько европейских государств, был опутан крепкими цепями многочисленных пережитков крепостничества. Рабочие уральских заводов были прикованы к заводчикам полукрепостной зависимостью, связаны с хозяином тысячами вековых предрассудков. В отличие от рабочих Петербурга и Москвы, юга и запада России рабочие уральских горнозаводских предприятий родились и выросли

на заводах, где до этого жили в постоянной кабале их отцы, деды, прадеды, работавшие на отцов, дедов и прадедов нынешних хозяев уральских заводов.

Всего лишь за тридцать-сорок лет до описываемых событий уральский рабочий был крепостным, собственностью хозяина и работа на заводе была его повинностью, которую он отбывал в обязательном порядке.

Только в марте 1863 года рабочее население Урала было освобождено от обязательных работ на заводах. Рабочие были наделены приусадебными участками, покосами на заводских дачах, им было предоставлено право пользования хозяйским лесом и ловли рыбы в заводских прудах и озерах. Все это привязывало рабочего к заводу не менее крепко, чем крепостное право.

В то же время ни приусадебный участок, ни покос не могли прокормить рабочую семью, и основным средством существования оставался заработок на заводе. А заработать становилось все труднее и труднее. Южно-русская металлургическая промышленность успешно конкурировала с уральскими заводами, и чтобы сохранить барыши, уральские заводчики стали устанавливать новые машины, переоборудовать производство, сокращать количество рабочих.

Росла безработица. На ряде заводов рабочие вынуждены были работать неполную неделю, неполный рабочий день. «Водворяется такой порядок, что каждому рабочему приходится работать не более 3 дней в неделю или 5—6 часов в сутки; поэтому-то рабочие здесь так горячо стоят за 8-часовой рабочий день; они надеются, что при введении его они будут работать полную неделю и зарабатывать не 10—15 руб., а 30—40 руб.», — писала 16 ноября 1905 года об Урале первая легальная большевистская газета «Новая жизнь».

Зарботки резко падали, а итти на новые места, в поисках новых заработков, было трудно — держал свой домишко, приусадебный участок, покос.

Среди рабочих усиливалось озлобление, росло стремление к борьбе с существующими порядками. Между тем такие испытанные средства борьбы, как стачка, забастовка, не всегда на Урале давали результат. На ряде предприятий сам хозяин был не прочь

сократить рабочий день или даже остановить завод на два-три дня. Успех могла принести только хорошо организованная, длительная и упорная забастовка.

Сложность заключалась еще и в том, что уральские заводы не концентрировались в крупных городах, в тех или иных отдельных пунктах, но были разбросаны по всему Уралу, отстояли зачастую на десятки и сотни верст друг от друга, от железных дорог, от крупных населенных пунктов.

Понятно поэтому, какую горечь и досаду вызвала у нас, уральских большевиков, ставшая широко известной тогда «кавалерийская вылазка» одного приехавшего из центра ретивого агитатора. Сей товарищ подошел к Уралу с обычной меркой. Не посоветовавшись как следует с местными работниками, выехал он на один из крупных заводов и обратился к собравшимся на нелегальный митинг рабочим с призывом бороться против эксплуатации, требовать человеческих условий труда, добиваться сокращения рабочего дня до восьми часов.

— Восьмичасовой рабочий день — это правильно! — раздались крики из толпы рабочих, — это верно! Но почему сокращать? Увеличивать до восьми часов надо, а то проклятый хозяин дает работать всего шесть часов в день, да и то неполную неделю.

Незадачливый агитатор, привыкший к двенадцати-четырнадцатичасовому дню на предприятиях Центральной России, растерялся и не смог продолжить свою так «удачно» начатую речь.

Нельзя было подходить к Уралу со стандартной меркой.

Уралу нужны были десятки, сотни энергичных, преданных партии работников. Надо было сплотить разобщенную рабочую массу, направить ее устремления в единое русло организованного революционного движения, поднять рабочий Урал на борьбу с самодержавием.

Тем временем и до Урала докатились отзвуки залпов, гремевших 9 января 1905 года на Дворцовой площади в Петербурге. Общий подъем революционного движения в стране находил живейший отклик среди уральских рабочих. Забастовки, пусть не всегда удач-

ные, вспыхивали то там, то здесь, перекачивались с завода на завод, пожаром классовой борьбы охватывали весь Урал.

Почти пять месяцев без перерыва бастовали рабочие Сысертского завода. Вызов казаков на завод, угрозы заводууправления—ничто не могло сломить рабочих, они упорно и настойчиво добивались удовлетворения своих требований. Забастовки происходили в Лысьве, Чусовой, Юсэве, Перми, Алапае.

На Надеждинском заводе, отстоявшем более чем на двести километров от ближайшей железнодорожной станции, летом 1905 года был впервые на Урале создан Совет рабочих депутатов. Под давлением депутатов в сентябре 1905 года должны были убраться с Надеждинского завода товарищ прокурора и помощник начальника жандармского управления, приехавшие с целью арестовать «зачинщиков».

На Алапаевском заводе сход в количестве пятисот человек отказался дать квартиры прибывшим войскам, заявив, что квартир не дадут, потому что «население войск не вызывало».

Крупная демонстрация состоялась 6 мая 1905 года в Екатеринбурге. Участвовали рабочие завода Ятес и других предприятий города. «Огромная, тысячная, сплоченная живая стена во всю ширину улицы на протяжении двух кварталов двигалась медленно вперед, готовая все смочь на своем пути. Это чувствовала и полиция. Она была совершенно бессильна», — так писала об этой демонстрации 3 июля 1905 года большевистская газета «Пролетарий».

На заводах ковали пики, кинжалы, отливали оболочки для бомб. Молодежь энергично запасалась оружием.

Пермский комитет РСДРП в воззвании к рабочим Мотовилихи, крупнейшего артиллерийского завода страны, находившегося возле Перми (ныне Молотов), писал:

«Свобода или смерть. Так поклялись петербургские рабочие над трупами павших товарищей 9 января.

Свобода или смерть! Эту страшную клятву вслед за петербургскими рабочими произнесли рабочие всей

России. Нам, рабочим Мотовилихи, остается присоединиться к этому голосу и поклясться той же клятвой — свобода или смерть! Вчера на нас, безоружных, на наших детей и женщин высланы были казаки, в нас стреляли, били нагайками, давили лошадьми».

К борьбе и победе звали пермские большевики рабочих Мотовилихи.

«Свобода или смерть! Иного выхода нет и не будет. И нашей стачки мы не кончим, пока не добьемся всего, что потребовали.

Да здравствует борющийся с оружием в руках русский пролетариат!

Долой царя, расстреливающего безоружных женщин и детей!»

В разных концах Урала звучали призывы к борьбе. Поднимался рабочий Урал, расправлял свои могучие плечи, решительно вставал на путь борьбы с царским самодержавием.

Перед уральскими социал-демократическими организациями стояла задача — повернуть на путь организованной классовой борьбы накопившуюся веками ненависть к предпринимателям-заводчикам и к представителям царской власти — полиции, подчинить бунтарские вспышки и стихийные выступления железной революционной дисциплине. Для этого нужно было вести неослабную борьбу с эсерами, меньшевиками, анархистами, вырвать уральский пролетариат из-под влияния мелкобуржуазных элементов.

Организация — вот что прежде всего нужно было уральским большевикам, широким рабочим массам и всем трудящимся Урала.

А этого-то как раз нам и не хватало! К началу первой русской революции, к 1905 году, на Урале имела сравнительно развитая сеть социал-демократических организаций. Но организации эти были разобщены, распылены, не связаны единым руководством, действовали порознь.

Летом 1904 года была предпринята попытка объединить социал-демократические организации Урала. На Тагильском заводе собралась областная партийная конференция. На ней были представители Екатеринбург-

га, Перми, Уфы, Вятки. Конференция впервые избрала Уральский областной комитет партии. Но достаточного опыта конспиративной работы у вновь избранных членов комитета не было, и вскоре после окончания конференции почти все они были арестованы. В результате создать областной центр не удалось, не удалось заложить и основы единой партийной организации для всего Урала. Конференция фактически не оставила почти никакого следа в жизни уральских организаций и не принесла ощутимой пользы развитию революционного движения.

Розалия Самойловна Землячка¹, работавшая тогда агентом ЦК и приезжавшая на Урал в начале 1905 года от Бюро комитетов большинства, писала 16 февраля Надежде Константиновне Крупской: «Здесь я застала дела в ужасном виде. Комитет целиком провалился. Оказались группы по разным городам без комитета».

В целом ряде партийных организаций Урала царили разброд и шатания, не было четкой политической линии, не велось должной борьбы не только с меньшевиками, но даже с эсерами. Бытовали граничившие с оппортунизмом примиренческие настроения.

В то время как еще на II съезде партии возглавляемые Лениным большевики решительно выступили против оппортунистических установок Мартова, Троцкого и К^о и порвали с меньшевиками, а большинство партийных комитетов в России стало после II съезда на ленинские позиции, определилось как комитеты большинства и повело решительную борьбу с меньшевизмом; в то время как в апреле 1905 года состоялся III, чисто большевистский, съезд партии, четко определивший задачи пролетариата в наступающей революции и взявший курс на подготовку вооруженного восста-

¹ Р. С. Землячка — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, участник революционного движения с 1890-х годов, с 1903 года большевик. В 1903—1904 годах — член ЦК, затем один из руководителей московской организации. После Октября — секретарь МК, затем на руководящей партийной и советской работе. Неоднократно избиралась членом ЦКК и ЦК ВКП(б). Умерла в 1947 году.

ния, — на Урале в ряде организаций, Екатеринбурге, большевики все еще не размежевались с меньшевиками.

В июне 1905 года, уже после III съезда, ознакомившись с решениями съезда и заслушав доклад делегата Уральского комитета о работе III съезда партии, Екатеринбургский комитет в своем решении записал:

«Екатеринбургский комитет, признавая принципиальные разногласия по вопросам революционной тактики между «большинством» и «меньшинством» слишком ничтожными и недостаточными, но в то же время считая группу «меньшинства» неспособной из-за ее организационных воззрений осуществить задачи партии, отказывается видеть в этой группе партийное учреждение».

Ленин всячески подчеркивает различие тактик большевиков и меньшевиков, несовместимых и взаимно исключających друг друга, а Екатеринбургский комитет считает «принципиальные разногласия по вопросам тактики» ничтожными.

Ленин и III съезд РСДРП квалифицируют меньшевиков как «отколовшуюся часть партии», а Екатеринбургский комитет считает основным грехом меньшевиков их «организационные воззрения».

Перед уральцами вставала реальная опасность отстать или даже разойтись с партией по серьезным вопросам. В условиях, когда стремительно развертывавшиеся революционные события требовали полного напряжения сил, огромной энергии, глубокого понимания политической обстановки, умения правильно оценить текущие события и использовать революционные выступления рабочих для подъема всего движения на новую, высшую ступень, местные уральские комитеты РСДРП еле успевали справляться с повседневной работой. Комитеты выпускали листовки, руководили отдельными забастовками и выступлениями, выводили в ряде мест рабочих на демонстрации, даже приступали кое-где к созданию боевых групп, но организующей силой, направляющей все движение в целом, стать не смогли.

Уралу нужны были опытные организаторы и агитаторы, хорошо понимавшие обстановку, умевшие находить общий язык с рабочими, учитывать их интересы, отвечать на их вопросы.

Вожак уральских рабочих

Все это, конечно, понимал Ленин, знал и учитывал Центральный Комитет. Поэтому ЦК и направил на Урал такого опытного, несмотря на свою молодость, сильного и уже проверенного на большой практической работе организатора, каким был Яков Михайлович Свердлов.

«В эту эпоху, — говорил Ленин в речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова, — в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отечественный тип профессионального революционера...» Именно такой человек и нужен был Уралу.

Прошло немного дней после приезда Свердлова, и сначала Екатеринбург, а затем и весь Урал почувствовали присутствие крупного организатора.

Перед Яковом Михайловичем встала задача — слить в единый поток разрозненные усилия отдельных организаций, придать стройность всему движению, утвердить строгую революционную дисциплину, сделать движение на Урале таким же грозным для царизма, каким оно стало во всех крупных пролетарских центрах России. Надо было готовить организаторов, пропагандистов и агитаторов из рабочей среды, из числа местных товарищей, чтобы охватить большевистским влиянием весь Урал.

Поселился Свердлов в Екатеринбурге, старом административном центре горного Урала. В те дни Екатеринбург был и революционным центром для близлежащих крупных заводов. Отсюда давались указания, посылались литература, направлялись агитаторы на Сысертский, Алапаевский и другие заводы, в Челябинск, Тюмень, Златоуст, Нижний Тагил...

Знакомство с партийной организацией не заняло у Якова Михайловича много времени. В первые же дни